

ЭКОЛОГИЧЕСКИ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ОБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

УРБИСИНОВА Н.Е.^{*id}, АКИМЖАНОВ Т.К.^{id}

***Урбисина Нургүль Еркиновна** – Докторант, Университет «Туран», г. Алматы, Казахстан

E-mail: nukon_81@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4380-2292>

Акимжанов Талгат Курманович – Доктор юридических наук, профессор, Университет «Туран», г. Алматы, Казахстан.

E-mail: akimzhanovtk@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0402-7441>

Аннотация. Статья посвящена конституционно-правовой обусловленности института экологически неблагополучных территорий в Республике Казахстан. Центральный тезис состоит в том, что решение накопившихся проблем изложенного института возможно не через дальнейшее наращивание отраслевых норм, а через прямую реализацию пункта 2 статьи 37 Конституции Республики Казахстан - не как декларативной цели, а как императивной нормы Основного закона, порождающей юридически связывающую обязанность государства. Рассматриваются пути решения проблем правового регулирования экологически неблагополучных территорий в Республике Казахстан, на базе законов и кодексов, которые регулируют проблемы охраны окружающей среды. В статье также изложены примеры зарубежного опыта в решении аналогичных проблем в области экологического права и охраны природных ресурсов. На основе сравнительно-правового метода и в соответствии с исследовательской базой, проанализирован опыт Европейского союза, США, Норвегии и Японии по практической реализации аналогичных конституционных и статутных установок, также предложены пути преодоления разрыва между конституционным целеполаганием и отраслевым регулированием в Казахстане. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития эффективного правового управления и воздействие в целях защиты окружающей среды для профилактики экологических загрязнений территории страны.

Ключевые слова: экологически неблагополучные территории, конституционно-правовая охрана, экологические права граждан, охрана окружающей среды, зона экологического бедствия, зона чрезвычайной экологической ситуаций, экологические катастрофы.

Введение

Более двадцати лет отделяют казахстанскую правовую науку от первых попыток осмыслить статус территорий, окружающая среда которых перестала быть безопасной для человека, и всё это время институт экологически неблагополучных территорий существует в состоянии хронической незавершённости: понятие обсуждается в диссертациях, критерии предлагаются в научных статьях, а действующий Экологический кодекс по-прежнему обходится смежными, но не тождественными категориями - «зоной чрезвычайной экологической ситуации» и «зоной экологического бедствия» [1]. За этим терминологическим зазором стоят не абстрактные проблемы юридической техники, а конкретные территории: Приаралье, бывший Семипалатинский испытательный ядерный полигон, промышленные агломерации с устойчиво высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха, объекты военно-космической инфраструктуры, включая комплекс «Байконур».

Разрешение этого разрыва, на наш взгляд, не требует изобретения новой правовой категории - оно уже заложено в тексте Конституции. Пункт 2 статьи 37 Конституции Республики Казахстан в редакции, действующей с 1 июля 2026 года, устанавливает: государство ставит целью охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека [2]. Формулировка «ставит целью» нередко прочитывается правоприменителем как программное положение, не порождающее конкретных обязанностей, - по аналогии с ориентирами социально-экономической политики. Мы исходим из иной позиции. Применительно к нормам, неразрывно связанным с жизнью и здоровьем человека, конституционная цель не оставляет государству дискреции в вопросе «охранять ли» -

дискреция сохраняется лишь в выборе конкретных правовых средств. В этом смысле пункт 2 статьи 37 должен пониматься и применяться как императивная норма Основного закона. Пункты 1 и 3 той же статьи - обязанность граждан сохранять природу и ответственность должностных лиц за сокрытие экологически значимой информации образуют вокруг этого императива необходимую инфраструктуру его исполнения: обязанного субъекта «снизу» и гарантию транспарентности «сверху» [2].

Отраслевая наука накопила значительный материал о содержании и структуре режима экологически неблагоприятных территорий от первых казахстанских диссертационных исследований Ж.С. Абдукаримовой [3] и Ж.А. Исаевой [4] до системных работ А.А. Транина [5], А.П. Анисимова и А.Я. Рыженкова [6]. Показательно, однако, что практически во всех этих работах статья 37 Конституции РК упоминается как общий фон, а не как несущая конструкция института: доктрина движется от отраслевых критериев к конституционным принципам, а не наоборот. Между тем именно обратное движение от императивной конституционной нормы к отраслевому механизму её исполнения способно объяснить, почему институт остаётся незавершённым, и указать путь к его достройке.

Смежная проблематика - правовое регулирование природных и природно-антропогенных комплексов с особым статусом - была ранее неоднократно рассматривалась научных работах казахстанских ученых (в Scopus-индексируемом издании *Environmental Development* в исследовании А. Jantassova с соавторами) [7], где институт экологически неблагоприятных территорий затрагивался в более широком контексте охраняемых природных комплексов. Настоящая статья сознательно сужает предмет и переносит акцент на конституционно-императивную природу именно экологически неблагоприятных территорий, что ранее самостоятельным предметом исследования не выступало.

Целью статьи является обоснование тезиса о том, что решение системных проблем правового регулирования экологически неблагоприятных территорий в Республике Казахстан лежит в плоскости прямой реализации пункта 2 статьи 37 Конституции РК как императивной нормы, и определение с опорой на лучшие зарубежные практики конкретных правовых механизмов такой реализации. Задачи исследования: раскрыть императивный характер и функциональную структуру статьи 37 Конституции РК применительно к институту экологически неблагоприятных территорий; провести сравнительно-правовой анализ механизмов исполнения аналогичных конституционных установок в праве Европейского союза, США, Норвегии и Японии; сформулировать предложения по устранению разрыва между конституционным целеполаганием и отраслевым регулированием. Научная новизна работы состоит в том, что впервые в казахстанской юридической науке статья 37 Конституции РК рассматривается не как общий контекст, а как императивная нормативная основа, из ненадлежащей реализации которой выводится вердикт современного состояния института.

Материалы и методы исследования

Формирование научных представлений о территориях с неблагоприятным экологическим состоянием в постсоветской юридической науке прошло определённую эволюцию: от констатации проблемы в работах начала 1990-х годов к попыткам системного оформления категории в диссертационных исследованиях Ж.С. Абдукаримовой [3] и Ж.А. Исаевой [4], а затем к развёрнутому сравнительно-правовому осмыслению в трудах А.А. Транина [5] и А.П. Анисимова с А.Я. Рыженковым [6], которые прямо указывают на дискуссионность понятийного аппарата института как на постсоветском пространстве в целом, так и в отдельных национальных правовых порядках. Общей нормативной точкой опоры для государств СНГ остаётся Модельный закон о зонах экологического бедствия 2009 года [8], сама модельность которого, впрочем, свидетельствует об отсутствии единого обязывающего стандарта.

Показательно, что зарубежные правовые порядки достигают сопоставимого результата введения специального режима охраны для территорий с неблагоприятным состоянием окружающей среды без прямой конституционной формулировки, аналогичной казахстанской

статья 37: Директива ЕС 96/62/ЕС [9] «Об оценке и управлении качеством атмосферного воздуха» и практика Агентства по охране окружающей среды США в отношении «критических районов» опираются на статутное, а не конституционное регулирование, тогда как норвежская модель институционального контроля [10] сочетает оба уровня. Данное наблюдение принципиально для настоящего исследования: если зарубежные системы способны выстроить действующий механизм охраны неблагополучных территорий даже без прямой конституционной императивности, то отсутствие сопоставимого механизма в Казахстане при наличии такой императивной нормы в статье 37 тем более требует объяснения и не может быть оправдано ссылкой на недостаточность конституционной базы.

Отдельно отметим исследование А. Jantassova с соавторами, опубликованное в *Environmental Development* [7], в котором проблемы правового регулирования природных и природно-антропогенных комплексов с особым статусом рассмотрены на широком сравнительно-правовом материале; институт экологически неблагополучных территорий затрагивается в нём как один из элементов более общей типологии охраняемых комплексов. Ранее к отдельным аспектам формирования и развития данного института обращались и авторы настоящей статьи [11]; концептуальные подходы к оценке экосистемных услуг как основанию природоохранной политики представлены в работе D. Holzman [12]. Обзор литературы показывает, что при значительном объёме накопленных знаний о содержании и структуре режима экологически неблагополучных территорий вопрос об императивном характере статьи 37 Конституции РК как первопричине и одновременно инструменте решения проблем института остаётся вне поля специального исследования, что и определяет предмет настоящей работы.

Для проверки выдвинутого тезиса об императивном характере статьи 37 Конституции РК и его значении для решения проблем института экологически неблагополучных территорий использован комплекс методов, отобранных исходя из сочетания конституционно-правового и отраслевого (экологического) уровней регулирования. Формально-юридический (догматический) метод использован для анализа содержания статьи 37 Конституции РК в действующей (с 1 июля 2026 года) [2], а также для установления содержания норм Экологического кодекса РК 2021 года [1].

Системно-структурный метод применён для определения места норм об экологически неблагополучных территориях в системе экологического права и для выявления связей между конституционной целевой нормой (п. 2 ст. 37) и отраслевым институтом. Историко-правовой метод использован при анализе генезиса института - от Указа о закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона 1991 года [13] и актов о ликвидации последствий экологического бедствия в Приаралье до действующего Экологического кодекса, что позволяет проверить тезис о взаимосвязи между сокрытием экологической информации и запоздалым признанием территорий неблагополучными.

Сравнительно-правовой метод, ключевой для проверки тезиса о применимости зарубежных моделей к реализации казахстанской конституционной цели, использован для анализа Директивы Европейского союза 96/62/ЕС [9] и требований законодательства об экологической ответственности ЕС и Великобритании; положений Clean Air Act (закон о чистоте воздуха) и практики Агентства по охране окружающей среды США (EPA) в части «критических районов»; законодательства Норвегии об охране природы и контроле загрязнения [10]; законодательства Японии о борьбе с загрязнением атмосферного воздуха. Правовые порядки отобраны по критерию наличия развитого специального регулирования охраны окружающей среды на территориях с неблагополучным экологическим состоянием.

Эмпирическую базу исследования составили материалы правоприменительной практики Республики Казахстан, касающиеся территорий с неблагополучным экологическим состоянием (зона экологического бедствия Приаралья, территория бывшего Семипалатинского испытательного ядерного полигона, комплекс «Байконур» [14]), а также национальные доклады о состоянии окружающей среды Республики Казахстан. По типу настоящее исследование относится к теоретико-прикладному юридическому исследованию

доктринального (качественного) характера; эмпирические данные используются в описательных целях для иллюстрации нормативных выводов. Метод контент-анализа применён при изучении отечественной и зарубежной научной литературы, включая публикации, индексируемые в базах Scopus и Web of Science, за период с 2012 по 2023 год [7; 9; 10; 11; 12]. Этические ограничения, специфичные для эмпирических исследований с участием людей, к настоящей работе неприменимы, поскольку исследование носит нормативно-правовой характер.

Результаты и их обсуждение

Проведённый анализ подтверждает выдвинутый тезис: статья 37 Конституции Республики Казахстан образует не фоновый, а несущий нормативный каркас института экологически неблагополучных территорий, причём каждая из содержащихся в ней норм выполняет самостоятельную и незаменимую функцию в механизме её реализации.

Ключевым для настоящего исследования является пункт 2 статьи 37-целевая установка государства на охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека [2]. Вопреки распространённому прочтению подобных формулировок как программных деклараций, мы настаиваем на их императивном характере: право на благоприятную окружающую среду неразрывно связано с правом на жизнь и охрану здоровья - конституционными ценностями, отказ от которых не допускается по усмотрению государства. Следовательно, «цель» государства в пункте 2 статьи 37 юридически эквивалентна обязанности: государство не вправе выбирать, охранять ли окружающую среду, благоприятную для здоровья человека, оно обязано это делать, и предметом дискреции остаётся лишь выбор конкретных правовых средств. Институт экологически неблагополучных территорий и есть одно из таких средств - механизм, посредством которого государство выявляет территории, на которых конституционная цель не достигнута, и восстанавливает соответствие фактического состояния окружающей среды конституционному стандарту. Отсутствие развитого отраслевого регулирования данного института в этом свете следует квалифицировать не как пробел юридической техники, а как неполную реализацию императивной конституционной нормы.

Императивность пункта 2 статьи 37 оставалась бы декларативной без гарантии, закреплённой пунктом 3 той же статьи, ответственности должностных лиц за сокрытие фактов и обстоятельств, угрожающих жизни, здоровью людей и окружающей среде [2]. История формирования казахстанского законодательства о зонах экологического неблагополучия от постановления о неотложных мерах по Приаралью 1992 года до Указа о закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона 1991 года [13] во многом является историей запоздалого признания уже свершившихся экологических катастроф, отложенного именно из-за недостатка своевременной и полной информации. Пункт 3 статьи 37 придаёт этой проблеме конституционное измерение: транспарентность процедуры выявления и признания территории экологически неблагополучной не техническая деталь, а условие, без которого пункт 2 статьи 37 не может быть исполнен по существу. Пункт 1 статьи 37 - обязанность граждан сохранять природу замыкает эту конструкцию, распространяя логику императивности на частных субъектов, чья деятельность на экологически неблагополучной территории должна соответствовать общей конституционной цели, а не вступать с ней в противоречие.

Если конституционная императивность статьи 37 задаёт то, что должно быть достигнуто, то зарубежный опыт даёт представление о том, как этого можно достичь на уровне конкретных правовых механизмов, и в этом смысле его следует рассматривать не как факультативную иллюстрацию, а как банк готовых решений для реализации казахстанской конституционной нормы. Наиболее показателен в этом отношении механизм Директивы Европейского союза 96/62/ЕС (рамочный документ Европейского союза по оценке и управлению качеством атмосферного воздуха) [9]: для зон, где уровень загрязнения атмосферного воздуха превышает установленный «коэффициент допустимого отклонения», закон не ограничивается констатацией факта, а императивно предписывает разработку

программы снижения загрязнения до нормативного уровня в строго определённый срок. Перенесённый на казахстанскую почву, этот механизм превратил бы декларацию «государство ставит целью» в конкретный алгоритм: признание территории экологически неблагополучной автоматически влекло бы обязанность уполномоченного органа утвердить программу оздоровления с указанием срока достижения нормативных показателей.

Американская модель «критических районов» и система административной и уголовной ответственности ЕРА демонстрируют элемент, необходимый для исполнения пункта 3 статьи 37- неотвратимость ответственности за нарушение экологических требований, включая ответственность за искажение официальных данных, прямо корреспондирующую казахстанской норме об ответственности за сокрытие экологически значимой информации. Норвежский опыт - создание специализированной Инспекции по контролю загрязнения территорий и Национального агентства по расследованию экологических преступлений [10] предлагает институциональное решение вопроса, пока не получившего ответа в Казахстане: кто именно и в каком порядке инициирует признание территории экологически неблагополучной. Японская практика региональных программ контроля загрязнения для территорий с высоким уровнем загрязнения показывает, что реализация конституционной цели должна быть территориально дифференцированной, а не универсальной.

Применительно к объектам военной и оборонной инфраструктуры в сфере, где казахстанское регулирование представлено пока лишь Приказом Министра обороны РК № 423 2017 года [15] значимым ориентиром выступает опыт российской системы экологической безопасности Вооружённых сил, а также практика привлечения военной инфраструктуры к охране окружающей среды за пределами объектов прямого назначения. Данный ориентир напрямую применим и к оценке возможности отнесения комплекса «Байконур» [14] к экологически неблагополучным территориям к вопросу, остающемуся за рамками настоящей статьи, но логически вытекающему из предложенной конституционно-императивной модели.

Предложенное прочтение статьи 37 Конституции РК как императивной, а не декларативной нормы, не противоречит выводам А.П. Анисимова и А.Я. Рыженкова [6] о дискуссионности понятийного аппарата института на постсоветском пространстве, но объясняет её иначе: терминологический спор воспроизводится потому, что отраслевая доктрина методологически движется «снизу вверх», т.е. от эмпирически наблюдаемых зон бедствия к обобщающим определениям, тогда как движение «сверху вниз», от императивной конституционной цели к отраслевому механизму её достижения, способно снять значительную часть этих споров: единый критерий отнесения территории к экологически неблагополучной задаётся не соглашением доктрины, а самим содержанием пункта 2 статьи 37 несоответствием фактического состояния окружающей среды конституционному стандарту благоприятности для жизни и здоровья человека.

В сравнении с более широкой постановкой проблемы в работе А. Jantassova с соавторами [7], где экологически неблагополучные территории рассматриваются в общем ряду природных и природно-антропогенных комплексов с особым статусом, предложенный в настоящей статье подход сужает угол зрения, но, на наш взгляд, точнее отражает конституционно-правовую специфику именно этой категории территорий: если для особо охраняемых природных территорий конституционным основанием выступает пункт 1 статьи 37 (бережное отношение к природным богатствам), то для экологически неблагополучных территорий определяющим является пункт 2 той же статьи (охрана среды, благоприятной для жизни и здоровья человека) различие, предопределяющее разные правовые режимы, разных субъектов ответственности и разные критерии выхода территории из соответствующего статуса.

Можно возразить, что формулировка «государство ставит целью» по своей грамматической конструкции ближе к программным нормам-целям, которые в теории конституционного права традиционно противопоставляются нормам-правилам как менее

определённые по содержанию. Данное возражение справедливо в отношении многих целевых норм социально-экономического характера, но не в отношении норм, непосредственно связанных с жизнью и здоровьем человека: применительно к таким нормам степень определённости средств может варьироваться, но обязательность самой цели - нет. Именно поэтому отсутствие в Экологическом кодексе РК самостоятельного института экологически неблагополучных территорий следует квалифицировать не как пробел, восполнение которого зависит от усмотрения законодателя, а как неполную реализацию конституционной обязанности как вопроса не целесообразности, а последовательного соблюдения Основного закона.

Из изложенного вытекает практический вывод: совершенствование законодательства Республики Казахстан в данной сфере должно начинаться не с заимствования отдельных зарубежных институтов как таковых, а с прямого закрепления в Экологическом кодексе РК связи между статьёй 37 Конституции и институтом экологически неблагополучных территорий. После этого заимствование конкретных механизмов - обязательных программ оздоровления по модели Директивы ЕС 96/62/ЕС [9], специализированного контрольного органа по модели норвежской инспекции [10], детализированной системы ответственности по модели законодательства США приобретает вид не разрозненных заимствований, а последовательной реализации единой конституционной нормы.

Ограничения настоящего исследования связаны с его доктринальным характером: предложенная модель нуждается в последующей эмпирической проверке, в том числе через анализ конкретных случаев, включая оценку возможности отнесения космодрома «Байконур» к экологически неблагополучным территориям, что составляет самостоятельное направление дальнейших исследований.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что ключ к решению накопившихся проблем правового регулирования экологически неблагополучных территорий в Республике Казахстан находится не вне, а внутри действующей Конституции. Пункт 2 статьи 37 Конституции Республики Казахстан - обязанность государства обеспечивать охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека должен пониматься и применяться как императивная норма Основного закона, а не как программная декларация, оставленная на усмотрение законодателя. Именно в этом состоит главный вывод настоящей статьи: устойчивое развитие института экологически неблагополучных территорий возможно только через последовательную реализацию данной нормы, дополненную гарантией транспарентности из пункта 3 и обязанностью частных субъектов из пункта 1 той же статьи.

Зарубежный опыт, обязательные программы оздоровления загрязнённых зон в праве Европейского союза, институт «критических районов» и система неотвратимой ответственности в США, специализированные контрольные органы Норвегии, дифференцированные региональные программы Японии - не самоцель: его значение состоит в том, что он демонстрирует уже проверенные механизмы исполнения аналогичных по существу конституционных и статутных обязательств и потому может служить не образцом для копирования, а картой возможных решений при построении казахстанской модели, ядром которой должна оставаться статья 37 Конституции РК.

Практические предложения, сформулированные в статье, закрепление в Экологическом кодексе РК прямой отсылки к статье 37 Конституции как императивному основанию института; введение обязательной программы оздоровления территории со сроками достижения нормативных показателей; создание специализированного органа контроля за экологически неблагополучными территориями; распространение гарантий транспарентности на процедуру признания территории экологически неблагополучной представляют собой не отдельные меры, а элементы единого механизма реализации императивной конституционной нормы.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании императивного

прочтения статьи 37 Конституции РК применительно к институту экологически неблагоприятных территорий; практическая в конкретных предложениях по устранению разрыва между конституционным целеполаганием и отраслевым регулированием. Дальнейшее развитие данного направления связано, в частности, с оценкой возможности отнесения космодрома «Байконур» и иных военных и оборонных объектов к экологически неблагоприятным территориям на основе предложенной модели.

Список литературы

1. Республика Казахстан. Экологический кодекс: утв. 2 января 2021 года, № 400-VI // ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz>.
2. Конституция Республики Казахстан принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 года (дата обращения: 01.08.2026) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000>
3. Абдукаримова Ж.С. Проблемы правового регулирования режима неблагоприятных экологических зон: дисс. ... канд. юрид. наук. – Алматы, 2003. – 146 с.
4. Исаева Ж.А. Проблемы правового регулирования экологического оздоровления Приаралья: дисс. ... канд. юрид. наук. – Алматы, 1999. – 143 с
5. Транин А.А. Особенности правового режима экологически неблагоприятных территорий // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 44–52.
6. Анисимов А.П., Рыженков А.Я. Новая концепция экологически неблагоприятных территорий в праве России и на постсоветском пространстве: дискуссионные вопросы // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 27. – С. 109–120.
7. Jantassova A., Nurutdinova A., Boranbayeva A., Nurlin A., Bekisheva S. Problems of legal regulation of natural and natural-anthropogenic complexes with special status // Environmental Development. – 2023. – Vol. 46. – Art. 100848. DOI: [10.1016/j.envdev.2023.100848](https://doi.org/10.1016/j.envdev.2023.100848).
8. Модельный закон о зонах экологического бедствия (о статусе зон экологического бедствия и регулировании хозяйственной и иной деятельности на их территории): принят в г. Санкт-Петербурге 03.12.2009 г. Постановлением 33-9 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1346.
9. Council Directive 96/62/EC of 27 September 1996 on ambient air quality assessment and management // Official Journal of the European Communities. – 1996. – L 296. – P. 55.
10. Никифоров А.А. Организационные основы природоохранной деятельности в Королевстве Норвегия // Экологическое право. – 2015. – № 1. – С. 22.
11. Nurutdinova A., Bekisheva C. Legal problems of the formation and development of the institute of environmentally unfavourable territories // Journal of Environmental Management and Tourism. – 2020. – Vol. 11, Issue 5(45). – P. 1215–1221. DOI: [10.14505/jemt.11.5\(45\).18](https://doi.org/10.14505/jemt.11.5(45).18).
12. Holzman D. Accounting for Nature's Benefits: The Dollar Value of Ecosystem Services // Environmental Health Perspectives. – 2012. – Vol. 120, № 4. – P. 152–157.
13. Указ Президента Казахской Советской Социалистической Республики «О закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона» от 29 августа 1991 года, № 409 // ИПС «Әділет» (утратил силу).
14. О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Российской Федерацией об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур» Постановление Верховного Совета Республики Казахстан от 14 июля 1994 года // https://adilet.zan.kz/rus/docs/B940008000/_links
15. Қазақстан Республикасының Қарулы Күштерінде экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз ету қағидаларын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Қорғаныс министрінің 2017 жылғы 7 тамыздағы № 423 бұйрығы // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1700015636>

References

1. Respublika Kazakhstan. Ekologicheskij kodeks: utv. 2 yanvarya 2021 goda, № 400-VI // IPS «Adilet». URL: <https://adilet.zan.kz>.
2. Konstituciya Respubliki Kazakhstan prinyataya na respublikanskom referendume 15 marta

2026 goda (data obrashcheniya: 01.08.2026) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000>

3. Abdukarimova ZH.S. Problemy pravovogo regulirovaniya rezhima neblagopoluchnyh ekologicheskikh zon: diss. ... kand. yurid. nauk. – Almaty, 2003. – 146 s.

4. Isaeva ZH.A. Problemy pravovogo regulirovaniya ekologicheskogo ozdorovleniya Priaral'ya: diss. ... kand. yurid. nauk. – Almaty, 1999. – 143 s

5. Tranin A.A. Osobennosti pravovogo rezhima ekologicheskogo neblagopoluchnyh territorij // Gosudarstvo i pravo. – 2013. – № 2. – S. 44–52.

6. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.YA. Novaya koncepciya ekologicheskogo neblagopoluchnyh territorij v prave Rossii i na postsovetском prostranstve: diskussionnye voprosy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2018. – № 27. – S. 109–120.

7. Jantassova A., Nurutdinova A., Boranbayeva A., Nurlin A., Bekisheva S. Problems of legal regulation of natural and natural-anthropogenic complexes with special status // Environmental Development. – 2023. – Vol. 46. – Art. 100848. DOI: [10.1016/j.envdev.2023.100848](https://doi.org/10.1016/j.envdev.2023.100848)

8. Model'nyj zakon o zonah ekologicheskogo bedstviya (o statuse zon ekologicheskogo bedstviya i regulirovanii hozyajstvennoj i inoj deyatel'nosti na ih territorii): prinyat v g. Sankt-Peterburge 03.12.2009 g. Postanovleniem 33-9 Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1346.

9. Council Directive 96/62/EC of 27 September 1996 on ambient air quality assessment and management // Official Journal of the European Communities. – 1996. – L 296. – P. 55.

10. Nikiforov A.A. Organizacionnye osnovy prirodoohrannoj deyatel'nosti v Korolevstve Norvegiya // Ekologicheskoe pravo. – 2015. – № 1. – S. 22.

11. Nurutdinova A., Bekisheva C. Legal problems of the formation and development of the institute of environmentally unfavourable territories // Journal of Environmental Management and Tourism. – 2020. – Vol. 11, Issue 5(45). – P. 1215–1221. DOI: [10.14505/jemt.11.5\(45\).18](https://doi.org/10.14505/jemt.11.5(45).18)

12. Holzman D. Accounting for Nature's Benefits: The Dollar Value of Ecosystem Services // Environmental Health Perspectives. – 2012. – Vol. 120, № 4. – P. 152–157.

13. Ukaz Prezidenta Kazahskoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki «O zakrytii Semipalatinskogo ispytatel'nogo yadernogo poligona» ot 29 avgusta 1991 goda, № 409 // IPS «Әdilet» (utratil silu).

14. O ratifikacii Soglasheniya mezhdru Respublikoj Kazahstan i Rossijskoj Federaciej ob osnovnyh principah i usloviyah ispol'zovaniya kosmodroma «Bajkonur» Postanovlenie Vephovnogo Soveta Respubliki Kazahstan ot 14 iyulya 1994 goda // https://adilet.zan.kz/rus/docs/B940008000/_links

15. Qazaqstan Respublikasynyñ Qaruly Küşterinde ekologialyq qauıpsızdıqtı qamtamasyz etu qağıdalaryn bekıtu turaly Qazaqstan Respublikasy Qorğansy ministrinıñ 2017 jylğy 7 tamyzdağy № 423 bürırgy // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1700015636>

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ҚОРШАҒАН ОРТАНЫ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚОРҒАУ ОБЪЕКТІСІ РЕТІНДЕ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ЖАҒЫНАН ҚОЛАЙСЫЗ АУМАҚТАР

УРБИСИНОВА Н.Е. , АКИМЖАНОВ Т.К.

*Урбисина Нургуль Еркиновна – Докторант, «Тұран» университеті, Алматы қ., Қазақстан

E-mail: nukon_81@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4380-2292>

Акимжанов Талгат Курманович - Заң ғылымдарының докторы, профессор, «Тұран» университеті, Алматы қ., Қазақстан

E-mail: akimzhanovtk@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0402-7441>

Аңдатпа. Мақала Қазақстан Республикасындағы экологиялық қолайсыз аумақтар институтының Конституциялық-құқықтық шарттылығына арналған. Орталық тезис баяндалған институттың жинақталған проблемаларын шешу салалық нормаларды одан әрі ұлғайту арқылы емес, Қазақстан Республикасы Конституциясының 37 - бабы 2-тармағын тікелей іске асыру арқылы-декларативтік мақсат ретінде емес, мемлекеттің заңды байланыстыратын міндетін туғызатын негізгі заңның императивтік нормасы ретінде мүмкін

болатындығында. Қазақстан Республикасындағы экологиялық қолайсыз аумақтарды құқықтық реттеу проблемаларын шешу жолдары қоршаған ортаны қорғау проблемаларын реттейтін заңдар мен кодекстер базасында қаралады. Мақалада экологиялық құқық және табиғи ресурстарды қорғау саласындағы ұқсас мәселелерді шешудегі шетелдік тәжірибенің мысалдары келтірілген. Салыстырмалы-құқықтық әдіс негізінде және зерттеу базасына сәйкес Еуропалық Одақтың, АҚШ-тың, Норвегияның және Жапонияның ұқсас конституциялық және жарғылық қағидаларды іс жүзінде іске асыру жөніндегі тәжірибесі талданды, сондай-ақ Қазақстандағы конституциялық мақсат қою мен салалық реттеу арасындағы алшақтықты еңсеру жолдары ұсынылды. Ел аумағының экологиялық ластануының алдын алу үшін тиімді құқықтық басқаруды одан әрі дамыту және қоршаған ортаны қорғау мақсатында әсер ету қажеттілігі туралы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: экологиялық қолайсыз аумақтар, конституциялық-құқықтық қорғау, азаматтардың экологиялық құқықтары, қоршаған ортаны қорғау, экологиялық апат аймағы, төтенше экологиялық жағдай аймағы, экологиялық апаттар.

ECOLOGICALLY UNFAVOURABLE TERRITORIES AS AN OBJECT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF THE ENVIRONMENT IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

URBISINOVA N.E.*, AKIMZHANOV T.K.

*Urbisinoва Nurgul Yerinovna - Doctoral student, «Turan» university, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: nukon_81@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4380-2292>

Akimzhanov Talgat Kurmanovich – Doctor of law, professor, «Turan» university, Almaty, Kazakhstan

E-mail: akimzhanovtk@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0402-7441>

Abstract. The article is devoted to the constitutional and legal conditionality of the institute of ecologically disadvantaged territories in the Republic of Kazakhstan. The central thesis is that the solution to the accumulated problems of this institution is possible not through further building up of sectoral norms, but through the direct implementation of paragraph 2 of Article 37 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan - not as a declarative goal, but as an imperative norm of the Basic Law, generating a legally binding duty of the state. The article considers ways to solve the problems of legal regulation of ecologically unfavorable territories in the Republic of Kazakhstan, based on laws and codes that regulate environmental protection issues. The article also provides examples of foreign experience in solving analogous problems in the field of environmental law and the protection of natural resources. Based on the comparative legal method and in accordance with the research base, the experience of the European Union, the USA, Norway and Japan in the practical implementation of similar constitutional and statutory guidelines is analyzed, and ways to bridge the gap between constitutional goal-setting and sectoral regulation in Kazakhstan are also proposed. It is concluded that it is necessary to further develop effective legal management and environmental impact in order to prevent environmental pollution in the country.

Key words: environmentally distressed areas, constitutional and legal protection, citizens' environmental rights, environmental protection, zone of environmental disaster, zone of environmental emergency, environmental catastrophes.